

КОРОВАШКИ

— Ну, тогда за грибами пошли, — сказал Коля Киселёв...

Здесь, в этой деревеньке, все называют его — Колка. Именно так — без мягкого знака. А и всех-то в деревне: Киселёвы, баба Саня — Александра Кузьминична, старик Антон с сыном Вовкой — Кузнецовы, большая семья Поляшовых, да ещё вот несколько лет как купил дом в этой деревеньке отец Юрки Ершова...

Колка и Юрка уже во все игры переиграли, исследовали все окрестности деревни, искупались во всех трёх деревенских прудах и даже не раз ходили рыбачить на Ёду...

— Антон вчера, говорят, полный пестерь грибов притащил. Этот всё обойдёт, ничего не оставит... — Почему-то все в деревне называют этого старика просто по имени.

— А куда он вчера ходил? — спросил Юрка. Он уже не первое лето проводит в деревне, знает,

что все леса, все грибные места, все поляны, островки леса среди поля имеют своё название: ёлочки, малая выгорода, кочеваны, большая выгорода, митрошкино...

Если с «ёлочками» всё понятно — это островок елового леса посреди поля (туда обычно ходили за рыжиками), то почему дальний луг и прилегающий к нему лес называли «митрошкино», не знал ни Юрка, ни даже местный житель Колка.

Юрка ещё в прошлое лето заинтересовался этим названием.

— У бабы Сани спроси, — посоветовал отец.

И Юрка спросил:

— Митрошкино-то? Так там деревня была. Только называлась она Митрофаново, а это уж фулиганили парни — так называли Митрошкино. Так и пристало... И робят оттуда митрошкинскими звали, — рассказывала баба Саня, стоя на пороге своего большого серебряного от старости дома, глядя прозрачно-голубыми, почти бесцветными глазами в сторону

Митрошкина и вспоминая какие-то совсем-совсем давние годы.

– А Митрофаново почему? – спросил тогда ещё Юрка.

– Это не знаю. Поди-ка Митрофан первую избу там ставил...

– А куда же девалась деревня? – Юрка не раз бывал там и никаких домов не видел. Старуха ничего не ответила ему, только велела подождать на крыльце, ушла и вскоре вынесла тёплые и, Юра уже знал, очень вкусные баранки...

– На-ко, в городе таких не купят, из печи...

Это было в прошлом году, а сейчас мальчишки сидели на берегу ближнего пруда и решали, в какой лес им пойти.

– Антон вчера в малой выгородке собирал, значит, там нам делать нечего. В кочеваны пойдём, – сказал Колка.

– Я за корзиной сбегая, – сказал Юрка.

– Давай. Я тоже. Здесь встречаемся, – сказал Колка и побежал в свою сторону. Дома их в разных концах деревни, а этот пруд уже не в самой деревне, а за большой дорогой – по которой иногда проезжают, поднимая тучи пыли, машины...

И когда Юрка возвращался к пруду, держа в руке небольшую корзину (отец сплёл её специально для него), он увидел Колку. Тот лежал в траве на вершине горушки-берега и смотрел в другую от Юрки сторону.

Юрка негромко свистнул, Колка оглянулся и молча махнул ему рукой, подзывая к себе – стало понятно, что он за кем-то следит.

Юрка тут же превратился в разведчика, пригнулся, подбежал к пруду, ползком поднялся на вершину горки и лёг рядом с Колкой. Тот указал пальцем:

– Антон.

Действительно, по полевой тропе к лесу шёл старик Антон – длинный, в длинном же, почти до земли, плаще, в кепке-шестиклинке, с берестяным пестерём за плечами, опираясь на палочку-батожок – он всегда так ходил в любую погоду...

– Ну и что? – разочарованно спросил Юрка.

– А то, что Антон места знает, – сказал Колка. – Мы его выследим и тоже будем знать.

– Ага! – только и смог радостно выдохнуть Юрка – дело намечалось очень интересное.

– Идёт он в кочеваны... Если в лес войдёт, нам его уже не найти, – рассудительно сказал Колка.

– А если прямо за ним пойдём – он нас увидит, – продолжил рассуждения Юрка.

– Он небыстро идёт. Давай, мы по краю поля кустами пробежим, обгоним его, у тропы спрячемся и увидим, куда он пойдёт, – предложил план действий Колка.

Юра привычно согласился. Колка на год старше его, выше и сильнее, всё знает здесь, поэтому он и командир.

Оба они в старых кедах. Колка в тёмно-синих штанах от школьной формы и клетчатой рубашке, волосы тёмные и красиво зачёсаны набок. Юрка светлоголовый (летом волосы выгорают почти до белизны), с прямой чёлкой и вздёрнутым хохолком с левой стороны – в белой футболке, в старых, даже заплатанных на колене, серых штанах...

У Колки вместо корзины обычное ведро, и оно гремит, задевая за ветки. А и откуда у Киселёвых корзине быть: «Живут как цыгане», – говорит про них баба Саня.

Мальчишки пробираются вдоль поля кустами и леском не

имеющим названия: тут и высокие уже осины, и молодые ёлочки, и берёзы. Они растут вдоль канавы, отделяющей одно поле от другого...

Колка и Юрка бегут и видят, как идёт по тропе через поле старик Антон – не торопясь, но и не медленно...

Колка бежал впереди. И вдруг он остановился, прыгнул в сторону, в самые ёлки и вскрикнул: «Коровушка!»

Юрка остановился, он не видел Колку, не слышно было и бряканья ведра.

– Колка! Колка, ты где?

– О, ещё коровушка! – послышался голос Колки. Он ползал где-то в самой чапарыге, среди молодых ёлочек.

Юрка пошёл к нему. Хотя ему не очень хотелось – он побаивался коров, всё-таки они большие и рогатые... Но никаких коров было не видно и не слышно. Только побрякивало снова Колкино ведро.

Юрка осторожно приближался к ёлочкам, но вдруг Колка сам вылез из-под нижних лохматых веток на карачках, держа в руке большой с коричневой шляпкой белый гриб.

– Во!

– О, белый! – воскликнул Юрка (грибы он хорошо знал, отец брал его в лес с самого раннего детства).

– Коровушка! А там ещё... – ответил, блаженно улыбаясь, Колка.

– Какая ещё коровушка? – удивился Юрка.

– Да вот же, – поднимаясь, сказал Колка и протянул Юре гриб.

Юрка взял его за твёрдую, будто костяную ножку, заглянул под шляпку – подложка у неё как из жёлтого бархата. Юрка даже понюхал гриб...

– Отличный белый, – повторил.

– Это же коровушка! – насмешливо сказал Колка.

Но тут уж Юрка не уступил:

– Это белый гриб, ещё боровиком его называют. Но в наших местах боровиками называют и подосиновики...

– Не умничай, – оборвал его Колка, забирая гриб. – В наших местах – это коровушки. Пошли искать, там их много...

– Пошли, – миролюбиво ответил Юрка. И добавил, чтобы не обижать друга: – Они, правда, на коровушек похожи.

– Ничего не похоже, – отмахнулся Колка, а просто... Просто они хорошие, как коровы...

И мальчишки принялись искать грибы. Они пробирались под ёлками, осинами и берёзами, перепрыгивали на другую сторону канавы. Позвякивало, как коровье ботало, Колкино ведро, и то и дело слышалось: – «О, коровушка!» – «О! Подосиновик!» – «Серый!» – «Коровушка!»...

Конечно, они забыли и о старике Антоне и... Да обо всём на свете они забыли!

Опомнились, когда вдоль канавы дошли до настоящего леса. К этому времени у Колки было полное ведро, а у Юрки почти полная корзинка.

Они сидели на стволе старого павшего дерева на краю леса, у тропы, которая вела через поле к деревне. Далеко впереди по большой дороге проехал, ёрзая на ухабах, поднимая пыль, грузовик, а за дорогой виднелись кроны деревьев и крыши домов...

– Покажи-ка твои, – попросил Колка.

– И ты покажи...

И они стали рассматривать грибы друг у друга...

– Ну-у, где и набрали-то столько! – проскрипел вдруг старческий голос. Старик Антон подошёл к ним как-то совсем неслышно. Юрка впервые видел его так близко – борода серая, узкая и длинная, серые волосы из-под кепки свисают, одежда тёмная, длинная... Но глаза добрые...

– Да мы тут, дядя Антон... – махнул рукой Колка.

– А я-ти в кочеваны сбродил, да бестолку – нет там гриба, вот и всего-то, – старик снял пестерь, поставил на землю, откинул крышку. Грибов, и правда, было немного – меньше половины... – А у вас, гляжу, и коровушки есть. Ну, молодцы, молодцы...

И вдруг Юрка спросил у него:

– А почему лес называется кочеваны?

Старик взглянул на него внимательнее, усмехнулся уголками глаз:

– Кочеваны-то?.. А ить и не знаю... Может, оттого, что кочек много – болотистый лес-от там. – Он закрыл пестерь, за лямку приподнял его, просунул одну руку...

Колка подскочил и помог старику надеть пестерь на спину.

– Тебя-то знаю, – сказал Антон Колке вместо «спасибо», – а ты-то чей? – у Юры спросил.

– Это Пети-городского, – ответил за Юрку его друг, и Юрка узнал, как деревенские между собой называют отца.

– Ну-ну... – сказал старик и вдруг будто забыл о мальчишках. Будто уже и не видел их, хотя на них смотрел. Развернулся и пошёл, опираясь на свой посох...

Юрка и Колка почему-то не решились идти сразу за стариком, обгонять его на полевой тропе, они ещё посидели на валежинке, помолчали, покусывая травинки, поговорили...

– А хорошее мы место нашли сегодня, грибное, – сказал Колка.

– Да, – согласился Юрка. И предложил: – А давай назовём его как-нибудь.

– Канава, – тут же ответил Колка.

– Нет... Коровушки, – сказал Юрка.

– Ну, пусть будет – коровушки, – согласился Колка.

И они пошли по тропе к дому, а солнце поднялось в зенит и поливало теплом овсяное поле, мальчишек, деревню... У пруда они, не сговариваясь, поставили на землю корзину и ведро, скинули одежду и с разбегу упали в парную воду...

СТАРИК ПЕТУХОВ

Старика Петухова одолевала тоска. Не то чтобы смертная, а стариковская, одинокая тоска, понимание, что, пожалуй, всё главное, важное и интересное – уже позади. А впереди... Что впереди? Что и у всех, не увернёшься...

Он давно живёт один в собственном домишке на тихой, сбе-

гающей к озеру улочке старинного большого села.

И в это утро он сидел на крыльце, курил, стряхивая пепел в старую консервную банку. Слышал, как из колхозных гаражей выезжают трактора и машины. Он легко узнал бы по звуку мотора свой трактор, но тот уже давно сдан в металлолом; в колхозе, по-новому

называемом «эсхэпэка» – сельскохозяйственный производственный кооператив, теперь работает совсем другая техника...

Ветер наносит из-за села запах свежескошенной травы: идёт заготовка кормов, то, что раньше называлось простым словом «сенкос»...

Ветер сменился, и опахло запахом и прохладой большой воды – село на берегу озера...

Вдруг прямо у калитки, ведущей в его двор, остановилась легковушка... Старик Петухов плохо разбирается в новых иностранных машинах, но сразу видит, что эта не из их посёлка... Из машины вышли двое – водитель и пассажир. И водителя-то он узнал, в прошлом году они долго разговаривали вот на этом самом крыльце. Это Игорь Портнягин – журналист районной газеты. Приближался юбилей их колхоза, и Портнягин писал большую статью, вот и выспрашивал у старика Петухова – колхозного ветерана, что да как было в давние годы...

А второго старик не знает: тоже молодой, и одет так же, как Портнягин, – джинсовые штаны да рубашка...

Игорь Портнягин сразу рукой взмахнул, издали крикнул:

– Пётр Михайлович! Приветствую!

– Привет, привет, – откликается старик, упирается рукой в крыльцо и поднимается навстречу гостям, которые уже шли по тропке, выложенной старыми досками, от калитки к крыльцу, и рыжая собачонка Милка тыкалась им в ноги и безостановочно махала хвостом...

Пожали руки.

– Здравствуйте, Пётр Михайлович, – ещё раз поздоровался со

стариком журналист. – Познакомьтесь – это Олег Климов, он писатель и путешественник.

– Ну, ну, – ещё раз внимательно взглянул на путешественника старик: обычный парень, молодой, улыбочивый... – Так какими судьбами-то, ребята? – спросил снова у Портнягина.

– Да я-то на заготовку к вам, сейчас в поле съезжу – снимаю, поговорю с кем-нибудь из механизаторов. А вот Олег ищет себе проводника... А вы ведь, наверное, лучше всех озеро-то знаете...

– Так заходите, поговорим, – пригласил старик Петухов парней в дом и несильно оттолкнул ногой собаку: – На место, Милка! Бесплезная ты тварь, хоть бы твякнула для порядку...

– Нет, мы тут посидим. Я пока так, предварительно, – сказал на этот раз уже сам путешественник. И достал из сумки какую-то бумагу, заклеенную в целлофан, развернул её. – У меня вот карта есть...

Все уселись на ступеньку крыльца. Старик и журналист закурили, а путешественник, видимо, был некурящим.

– Вот это ваше озеро, – сказал Олег Климов, разложив карту на крыльце между собой и стариком.

– Да-да, вижу, точно, – говорил старик Петухов, прищуриваясь, вглядываясь в карту и начиная понимать то, что обозначено на ней. – Откуда и карта такая подробная, – удивился.

– Из интернета скачал и распечатал, – непонятно для старика сказал Олег.

– Сейчас это просто, – добавил журналист.

– Ну, а чего тебе надо-то? – простодушно и грубовато спросил Петухов.

– Я хочу вдоль всего озера проплыть, вдоль всех берегов, останавливаясь при этом в самых интересных местах. Ну, там: бывшие деревни, церкви, избышки рыбацкие...

– А-а... Ну, надо вспомнить...

– Я через неделю планирую сюда уже с лодкой приехать. И вас бы взял с собой... Думаю, дня за два с ночёвкой пройдем мы этот маршрут...

– Мы сделаем так, – уже уверенно сказал старик, – в первый день половину осмотрим, потом ко мне вернёмся, в доме переночуем и на второй день остальное пройдем. У тебя ведь моторка?

– Конечно, – кивнул Олег Климов. – Можно и так... Мне бы только знать, где и что можно посмотреть...

А старик уже вёл твёрдым, как еловый сучок, пальцем по карте:

– Мы здесь. Это Марьин мыс, тут, значит, ларионовские поляны, тут Обуховка, чёртово болото...

– Ну, то есть, вы согласны? – уже нетерпеливо спросил путешественник.

– Согласен, – сразу ответил старик. – Только это, ты бы, парень, не мог бы мне эту карту оставить. Я за неделю-то всё вспомню, все места тебе покажу...

– Оставит, конечно, – за своего приятеля ответил журналист. Он тоже уже явно торопился – материал о заготовке кормов нужно было сделать для газеты сегодня...

На этом они и расстались.

– Ну, чего, нормального я тебе проводника нашёл? Всё в этих местах знает, – говорил журналист Игорь Портнягин своему приятелю, путешественнику-блогеру Олегу Климову, когда уже ехали из «полей» в город.

– Да-а... – неуверенно ответил Олег. Потом всё-таки сказал:

– Наверное, я сам обойдусь, дедок староват, ну, чего я с ним... Названия, которые он говорил, я, кстати, все записал на диктофон. А в интернете всё есть уже, найду старые описания этих мест, напишу свои впечатления... А может, и старика упомяну...

– Ну, смотри... жаль, старик ждать будет...

– Я, может, заеду к нему, когда соберусь...

... Старик Петухов подолгу рассматривал карту, вспоминал...

А помнил он многое.

Самое первое воспоминание: он на кромке озера собирает камешки и относит их повыше на зелёный берег... «Петенька, Петюша... Вон смотри, тятя плывёт, – указывает мама в озеро, где далеко-далеко переваливаются с волны на волну рыбацьи лодки...

А потом он сам сидел на дне лодки, рядом с ним на скамье – бабушка, а на вёслах мать. Плыли в тумане, ничего не было видно, только поскрипывали уключины, да плескалась о борт вода.

– Верка, ключицы-ти почто не смазала? – спрашивала бабушка у матери... И больше он ничего не помнил... Потом уже был какой-то дом с плотно завешенными окнами и волосатый старик... Гораздо позже он узнал, понял: в озёрной деревеньке в те дни объявился священник, служивший когда-то в церкви в их селе, и со всего приозерья понесли к нему тайком бабы детишек крестить... Вот и его...

Помнил, как в войну они – местные мальчишки-подростки – на лодках плавали по озеру, выискивали прибитые к берегу хлысты.

В верховьях рек, впадающих в озеро, в те годы активно заготавливали лес, молевым сплавом спускали его в озеро, где в устьях уже формировали плоты. Из озера плоты гнали по единственной выходящей из него реке дальше, в город, к железной дороге...

Мальчишки причаливали мокрые тяжеленные стволы к бортам лодок, отвозили к своему берегу, обдирая в кровь ногти, локти, колени, выкатывали брёвна, тащили до своих дворов, пилили на больших козлах... Вблизи села подходящего леса давно уже не было, и это был единственный способ заготовить дров на зиму.

Однажды, подтаскивая багром к лодке бревно, он выпал за борт, ещё и головой о то же бревно ударился. Хорошо, Вовка Синицын, который был в его лодке на вёслах, не растерялся, успел схватить за шиворот. Но простыл он тогда сильно – дело-то было уж осенью, после уборочной...

Рыбалка всеми способами – это само собой. Это и прокорм, и развлечение. Особенно ему нравилось лучить рыбу на отмелях вблизи Марьиного мыса... К вечеру подгребали туда. На носу лодки крепили «козу» – железный трезубец, на который укладывали скрученную берёсту. Выплывали на отмель, поджигали берёсту, один на веслах тихонько работал, второй стоял на носу, смотрел в высвеченный огнём подводный мир, и когда видел рыбу, напрягался, поднимал острогу... Старик Петухов и сейчас чувствует эту упругую живую силу, которую надо было преодолеть, выдернуть из воды и закинуть в лодку – шуку или даже нельму... Потом на берегу костёр, уха... Поутру – к дому, а в лодке, как поленья – рыбины...

А зимой, встанет лёд на речке Межухе, впадающей в озеро близ села, – ребячья забава: ходишь по чистому, прозрачному льду у берега на мелкоте, и видно сквозь лёд каждый камень на дне. И вот – рыба, сонная уже, квёлая. А в руке у тебя палка-колотушка, и сверху прямо по льду с размаху бьёшь и потом голыми руками из-под льда достаёшь оглушённого леща, или большого горбатого окуня, или даже судака...

И дорожку тянули... С Любой уже, там за Красным островом... Он на вёслах, она лесу с блесной распускает. Вот дёрнулась, натянулась леса, и уже он передаёт Любе вёсла, а сам выводит из воды рыбу... А потом пристают к острову, к дальнему от села берегу...

Всё было... И любовь была, и беды были...

Было время – для себя косить было нельзя. Только десять процентов от того, что на колхоз накопишь, можно было взять для своей коровы (а без коровы и вовсе не прожить) – вот и приходилось ночами за озеро плавать.

Он на те самые ларионовы поляны, плавал. У других – другие места были. Все знали и все друг от друга прятались... Бывало, и домой свежую кошенину везли, и там, за озером, в зиму стожки ставили...

Озеро опасное у них: мелкое, а ветер подует, волна тяжёлая, с песком, с жёлтой пеной, от берега до берега как в миске болтается... Соседка была, Клава Полякова, солдатская вдова, трое ребятишек, поплыла так-то вот ночью, а на обратном уж пути и разгулялась волна, захлестнула лодчонку. Только через три дня нашли. Детей в детский дом куда-то увезли...

Много душ забрало это озеро... А всё равно – родное...

Он водил пальцем по карте, и карта оживала, и вставали картины детства, юности, зрелости...

Думал о журналисте и его друге – путешественнике, что вот же какая жизнь у людей интересная – один в газету пишет, другой – и не поймёшь, озёра, что ли, изучает?.. Что значит учёные-то... А у него вся жизнь – поле да озеро, трактор да лодка. В армию только сходил... В танковых служил, три года... «А и ничего – не хуже других пожил. И ещё бы пожить можно... Жаль только, что Люба-то раньше меня прибралась...»

Думал о том, как поплывут они на моторной лодке вдоль озёрных берегов, и он будет рассказывать, где какое место, как называется, чем интересно...

Через неделю никто к нему не приехал. Не приехал и через две недели. И старик Петухов перестал ждать. Он, и правда, был не очень здоров, за это лето ещё ни разу и до озера-то не ходил.

Пошёл... На берегу лежали старые деревянные лодки и новые – дюралевые. Берег и озеро пустынные: местные мужики все в полях – начинается уборочная, а приезжие рыбаки теперь нечасто бывают. Говорят, что рыбы стало мало...

Он присел на край старой рассохшейся лодки. Рыжая собачонка легла у его ног. Чайки с пронзительным криком носились над водой, ветер гнал по озеру волны с жёлтой пеной...

Старик Петухов долго сидел так, смотрел в озеро. Поднялся, пошёл, опираясь на батожок, к дому. Рядом с ним бежала, деловито задрав хвост, рыжая криволапая собака...

Почему он один-то живёт? Жена умерла. Дочери давно по городам (приезжают, но редко). Вот и один. Есть такие старики в наших сёлах...

ЧЕРНЫШ

1

Анна Васильевна живёт в деревне одна. Так уж случилось. У неё родных никого уже нет. И в соседние пустые дома никто даже летом не приезжает.

Но живёт Васильевна, не сучая. У неё огород; три козы (вернее, козёл, коза и козочка) – сена им надо на зиму заготовить, не как корове, а всё-таки. Осенью ходит Васильевна в лес за грибами и ягодами. И даже рыбачит она – летом закидывает вершу, а зимой и с удочкой над лункой любит поси-

деть. Так что есть у неё и молоко, и рыба, и мясо, и на огороде всё хорошо растёт. А за остальным в магазин в село ходит. Летом по тропе бежит, а зимой на лыжах идёт. И всего-то десять километров.

Вот как-то весной, в мае уж, пошла она в село. Сначала в церковь. Службу отстояла, свечку поставила и вместе с подругой Верой Харитоновной на почту зашла, районную газету взяла, потом в магазин – хлеба, чая да соли купила...

– Дак пошли, Васильевна, цайку на дорозку, – зовёт Харитоновна.

– Цайку-ти мозно, – отзывается Васильевна.

Так говорят они, вот точно эти слова, каждый раз...

– На электрический перешла? – спрашивает Васильевна, кивая на электрочайник, который уже видела в прошлый раз.

– Витька самовар-от в город увёз, а этот привёз, всё наоборот теперь дак...

– А ты прибегай ко мне. Я самовар быстро вздую, – смеётся Васильевна.

– Да я ведь, как ты-то, бегать не могу, – смеётся в ответ Харитоновна. – Откуда такая и прыть в тебе. Верно говорят, как реактивная.

– Ой, да сама ты рекативная!

Так вот, шутя да поддевая друг друга, выпивают они один чайник, принимаются за второй.

Вдруг из угла под лавкой писк слышен, и туда бежит, шмыгнув из-за двери, серая в тёмную полосу кошка.

– Котятки у тебя, Харитоновна?

– Да! Я уж Муське говорю, хватит, матушка, остепенись, ведь уж десять годов тебе – нет, опять принесла. Четыре в этот раз. Одногото Витька увёз, другого тут, в селе, взяли. Двое остались. Возьми хоть ты, Васильевна, одного...

Тут из-под лавки вылез чёрный, как уголь, котёнок, на крепких лапках, ушки торчком, хвостик – вичкой, смотрит блестящими, как бусинки, глазками на бабушек любопытно и весело.

– Вот этого Черныша и возьму, – тут же сказала Анна Васильевна.

2

Чернышу хорошо было на руках. Он глядел на удивительный, невиданный ещё мир – голубой и зелёный, в котором очень много запахов и ветра, и тепла, и ещё всего-всего, чего он пока не знал...

Хозяйка его, Васильевна, с рюкзачком за плечами, с котёнком на руках быстро бежала в свою деревню. У неё ещё дел сегодня полно – и коз на выпас выпустить, и в огороде покопаться... Теперь вот ещё котёнок у неё. «Эх, Черныш ты, Черныш – вырастешь, будешь мышей ловить... Будешь ловить мышек? Бу-удешь...»

Пришли. Налила хозяйка котёнку молока в блюдце, ткнула носом, он и начал лакать...

Стал привыкать в новом доме, хоть и скучно без кошки и сестрёнки (двух других котят он и не помнил).

Васильевна сделала бантик из бумажки, за ниточку к стулу его привязала, дёргает, а Черныш прыгает, ловит.

Бабушка рада – вспомнила, как была девочкой и тоже с котёнком играла. Котёнок рад – ловит непонятную зверюшку, прыгающую перед ним, весело ему. «Может, это и есть мышка?» – думает он.

... Конечно, любезный читатель, я не могу точно знать, что и как думает котёнок. Но ведь я не знаю в точности, и что думает Анна Васильевна. Но предположить-то я, как автор, должен, иначе, о чём же рассказывать...

А котёнок тем временем увлётся собственным хвостом, закрутится юлой и всё же ухватил кончик лапками и зубами. Тут же вскочил, прыгнул на свисавшую со стола скатерть и повис на ней, уцепившись коготками, едва не уронил со стола чашку.

– Ну, Черныш! И в кого ты такой варнак? Видать, в родного батюшку, matka-то у тебя серая, – ворчит Васильевна и снимает его со скатерти.

Ходят и на улицу: Васильевна грядку полет, Черныш в траве за бабочкой бегаёт...

Так и живут. Хорошо Чернышу – и молочко есть, и рыбка, а когда дак и колбаски хозяйка принесёт...

А вечерами, когда сгущаются сумерки и, наконец, становится совсем темно, когда бабушка Васильевна, переделав все дела, помолившись перед иконой, ложится на свою кровать и затихает, становятся очень слышны часы на стене.

Тикают. И маятник туда-сюда... И Черныш, лёжа на коврике перед кроватью, смотрит на маятник, смотрит и тоже усыпает, и снится ему большой, огромный, непонятный, но добрый сон...

Осенью, когда бабушка собрала урожай – морковку, свёклу, картошку, и снесла в подполье, Черныш там, в подполье, и поймал первую мышку. Он долго играл с ней, как с тем бумажным бантиком, а когда она перестала шевелиться, взял в зубы и принёс её к кровати хозяйки.

– Ой, да ты пошто сюда-ти её, Черныш! Уноси, уноси, лешой! – запричитала Анна Васильевна.

И Черныш унёс. Так и стал – поймаёт, принесёт, покажет и унесёт...

– До чего кот у меня хорош дак! – хвастается Васильевна подруге Харитоновне.

– Дак от чьей и кошки-то, – отвечает с гордостью та.

3

Потом пришла зима. Белое и холодное падало на нос Чернышу. Он встряхивал головой, фыркал и поспешно убежал с крыльца в избу. Потом привык, любил пробежаться по мягкому и пушистому вокруг дома...

Однажды принёс вместо мышки желтогрудую птичку. Ох и ругала его хозяйка! Даже веником шлёпнула. Больше не носил.

Он подолгу лежал на тёплой печке, смотрел в окно, как падают белые пушистые хлопья, и мурлыкал, когда хозяйка чесала ему за ухом.

– Ну, Черныш, ты прямо как трактор тарактишь, – говорила Васильевна.

А однажды он вышел на крыльцо, и с карниза прямо на нос упала тяжёлая мокрая капля. Отпрыгнул, заурчал, затёр лапами морду.

С того дня покоя коту не стало. Он рыскал по дому и вокруг него, громко мяукал. Он будто искал что-то...

– Весна, гулять тебе охота, Черныш, подружку надо, – вздыхает Васильевна. – А где я тебе тут найду? Ты уж терпи... Чего уж... – Беспокоится и бабушка, думает, что делать с котом. – В село тебя, что ли, пока отнести? – говорит, теребя его загривок, а Черныш трётся о ноги хозяйки, обутые в серые валенки...

Так и решила Васильевна, что завтра отнесёт кота в село.

Утром встала, покискала, нет кота! Давай искать. Нет!

...Черныш ещё поздно вечером спустился в подполье, оттуда пробрался под стеной на двор, где стояли козёл и козы, и через щель у двери вышел на волю.

Небо было тёмно-серое, лишь кое-где сквозь облака проглядывали звёзды, пахло мокрым тающим снегом и ещё многим-многом. И Черныш побежал на этот запах, вдоль лыжни, проложенной Васильевой, к лесу.

На опушке в прошлогодней свалывшейся траве рылась лиса... Черныш сразу учуял мышь, хотя пахла она не так, как домашняя. Лиса тоже её чуяла и ждала, подняв лапу... Она видела кота, и кот видел её. Он быстро пробежал мимо и оказался в лесу, где было совсем темно, но не страшно. Черныш быстро бежал, будто знал, зачем и куда. И вдруг замер – какой-то зверёк, но не мышь, мелькнул перед ним, и кот моментально стал охотником, метнулся за зверьком и едва не поймал. Но тут же учуял страшный запах. Шерсть встала у него дыбом... А две тени уже бежали к нему между стволов. Это уже на него охотились! Черныш мигом

влетел на ёлку и замер на ветке, а тени ходили вниз и щёлкали зубами...

И лишь на рассвете он спрыгнул вниз, когда уже растворился страшный волчий запах.

А через несколько часов Черныш уже был в деревне и дрался со старым рыжим котом, а кошечка сидела рядом на заборе и будто не обращала на них внимания...

Через две недели Харитоновна передала Васильевне кота с рук на руки.

– До чего ведь довёл-то себя – драной, голодной. Я уж покормила его да из дому-то больше не выпускала. Сразу, как там у церкви увидела, поняла, что твой Черныш.

– Ну что, шляла, пошли домой! – посадила его хозяйка в котомку и понесла в свою деревню.

Месяца через два церковный сторож спросил:

– Васильевна, котёнка не возьмёшь? Вон, глянь, чёрненький какой шустрый.

– Да у меня свой такой, – ответила, улыбнувшись, Васильевна и заторопилась домой. Но ещё завернула в магазин за колбаской, а там уж не миновала и дома подружки Харитоновны. Без чая-то на дорожку – как...

КОЛОБОК

Отец привёз Серёжу на весенние каникулы в деревню к своим родителям, Серёжиным дедушке и бабушке.

После обниманий и возгласов «как вырос», «совсем большой», сидели в комнате за столом. От печки пахло дымком, сладкие ватрушки бабушкиной выпечки были тёплые и просто таяли во рту...

Но Серёжа уже глядел за окно: там, на воле, всё течёт, солнечно сверкает...

Отец вытащил из подполья мешок картошки. Бабушка подаёт ему какие-то банки...

– Мама, да мы ещё с того раза не съели... – отбивается отец.

– Бери, бери, лишним не будет, – наваливает бабушка.

Дед курит, выдувая дым в открытую дверцу железной печурки, соединённой коленчатым трубаком с большой белой печкой, на которую вечером Серёжа обязательно залезет. Но сейчас ему уже хочется повидаться с деревенским своим дружкой Вовкой.

Отец уносит мешок с картошкой на улицу, в окно видно, как он загружает его в багажник «Запорожца». Возвращается в дом.

– Ну, давай, Серёга, слушайся бабушку и деда, – треплет по голове.

Серёже, конечно, жалко прощаться с папой, но... Он думает о том, как бы ему поскорее встретиться с другом...

... Когда отец уезжает и бабушка возвращается с крыльца в избу, дед говорит Серёже:

– Ну, чего, Серёга, сапоги обувай да беги к Вовке...

– Да куда по лужам-то... – пытается возразить бабушка.

– Нечего парню дома сидеть, – обрывает её дед.

– На вот, – смирившись, говорит бабушка и достаёт из ящика комода новые вязаные тёплые носки.

И вскоре Серёжа бежит по улице, перепрыгивая через солнечные лужи, через разъезженные чёрные тракторные колеи, полные жидкой грязи. Синий трактор с большими колёсами и телегой стоит у соседнего дома. Там живёт весёлый рыжий тракторист Василий со старой матерью...

А и всего-то в деревне пять домов. С одного конца крайний – дом Серёжиных бабушки и дедушки, с другого конца деревни дом, в котором живёт Вовка.

Вон уже и видно этот дом, с разболтанной изгородью, с распанутой на кривое крыльцо дверью...

И семья такая же – отец Вовки-то вроде бы работает в совхозе, то куда-то пропадает на недели и месяцы, мать давно уже умерла, старшая сестра замужем в городе, старший брат сидит в тюрьме, а Вовка, как и Серёжа, учится в пятом классе и ходит в школу в село за шесть километров. В прошлом году в их доме ещё появилась какая-то слепая старуха, дальняя родственница, привезли из другой деревни. Серёжа её боится – она похожа на Бабу Ягу.

Он взбегает на крыльцо, нарочито громко топая, и сразу кричит:

– Вовка, это я!

– Привет, Серёга! – отзывается друг...

Они немного посидели в избе, в которую можно было заходить, не разуваясь, только пошаркав подошвами о старый голик у двери. Печка давно не белённая, но недавно топленная, дышащая теплом. Там наверху – старуха. Она не подала голоса, и Серёжа не поздоровался.

Вовка с гордостью показал свой школьный дневник, в котором были даже и двойки за четверть, и лихо бросил его в угол.

...На улице они долго пускали ручьи, прорывая каналы от одной лужи к другой... Потом Вовка сказал: «Пошли в шолом».

Так назывался высокий сарай за деревней, уже полуразвалившийся, в котором раньше, как говорил Серёже дедушка, сушили зерно, а теперь лежали сваленные в кучу белые мешки с химическими удобрениями.

Летом Вовка и Серёжа устраивали в этом сарае «базу»... Сидели там, болтали, Вовка курил и давал попробовать Серёже, представлял себя то разведчиками и тогда тайком пробирались с «базы»

в деревню и зачем-то следили за трактористом Василием... Или же представляли себя охотниками и отправлялись с «базы» через поле в лес... Развлекались, в общем, как могли – больше их ровесников в деревне не было.

Зачем они попёрлись в «шолом» сейчас по не растаявшей ещё снеговой целине, оба не знали. Метров триста, проваливаясь по колени и выше в снег... В сарае неприятно пахло химией от подмокших мешков с удобрениями, было сыро и неудобно. Вовка достал из-за козырька драной своей ушанки папиросу, из кармана болоньевой курточки коробок и лихо закурил.

– Будешь? – протянул папиросу Серёже, держа за мундштук чёрными пальцами.

– Не, я бросил, – ответил Серёжа... Он смотрел на домики деревни, на дымок над крышей своего дома, и ему уже хотелось туда.

Солнышко опускалось к лесу...

– Ну, пошли! – скомандовал Вовка и снова пошёл по снежному полю, стараясь попадать в свои следы. Были на нём тоже резиновые сапоги...

Серёжа брёл за ним, опускал ноги в глубокие следы, и шершавый снег забивался за голенища...

Вовка быстро бежал (замёрз, наверное).

– Вовка, подожди! – окликнул его Серёжа, но он не остановился, махнул только:

– Давай, шевелись!

А Серёжа всё с большим трудом доставал из снега отяжелелые ноги, в сапоги уже туго набился снег. Несколько раз Серёжа падал, выставляя вперёд руки в мокрых рукавицах, и снег ожигал запястья и набивался в рукава куртки...

И казалось, что никогда он не дойдёт до Вовкиного дома... Он уже и песню вспомнил про то, как «в степи глухой замерзал ямщик».

Когда он всё-таки ввалился в распахнутую избу, Вовка как ни в чём не бывало сидел за столом и пил из мутного стакана чай.

– Ну, где ты есть?

– Я... Тут я, – сказал Серёжа, садясь на лавку, и вдруг тихонько заплакал...

– Ты чего?

– Ноги, пальцы не чувствую...

– Кто там? – раздался голос с печки.

– Это я, Серёжа.

Вовка испуганно молчал.

– Снимай обувь и лезь сюда, – проскрипел голос, и Серёжа молча стянул один сапог, второй, снег вываливался и таял на щелястом грязном полу. Кое-как он подошёл к печке и по ступенькам поднялся наверх.

Старуха лежала у дальнего края печки.

– Сядь.

Он сел. Она незряче протянула руки, нащупала его ноги, сама стянула мокрые носки и положила их на кирпичи, а стопы взяла в руки и сначала держала в ладонях, чуть поглаживая костистыми пальцами, потом поставила их не на кирпичи, а на подобие матраца, продолжала оглаживать.

Серёжа поскуливал от боли.

– Вовка, дай парню чая, – проскрипела старуха, и Вовка подал тот же стакан, из которого пил сам, с тёплым и сладким чаем.

Боль в стопах проходила, пальцы уже чувствовали тепло... Но слёзы ещё текли по щекам.

Серёжа скрючившись сидел рядом со старухой, она лежала на боку.

Вовка подсел на ступеньку печки...

– Ты бабушке своей только не говори, – сказал он.

Серёжа не ответил. А старуха вдруг сказала:

– Слушайте сказку, горемыки... – И начала сразу: – Жили дед с бабой. И стал дед помирать. Лежит на лавке, видит, как солнышко в окне катится. Встать не может. Досадно ему. Говорит бабке: «Испеки мне, бабка, колобка». «Да почто тебе?» «Пеки!» Бабка по сусеку поскребла, набрала мучки, замесила тесто. Дед не умирает, ждёт. А уж ночь настаёт. Выходило тесто. Слепила баба колоб, в печь отправила. Получился колоб румяный, горячий. Положила баба его на окно, остывать. И будто бы светлее стало в избе-ти! Это колоб так светился!

– А чего он светился-то, – перебил тут старуху Вовка.

– Так горячий! – ответила старуха и дальше сказала: – Как колоб-то остыл – старик и помер. А колоб выкатился с окна во двор, покатился по земле да и пропал...

– Так его же лиса съела! – опять Вовка вмешался.

– Про это не знаю, – ответила старуха. И непонятно было, то ли смеётся она, то ли и правда не знает всем известную сказку...

– А как деда и бабу звали? – спросил вдруг Серёжа.

Старуха помолчала и ответила:

– Так, поди-ка, Адам и Ева...

На крыльце послышались шаги, и в избу сердито вошёл Серёжин дедушка...

Когда они шли по деревне, по полевой дороге с утробным гулом, вышаривая путь фарами, ехал куда-то трактор.

– Вот, Ваське не спится-то! – усмехался уже подобревший дедушка. – Дело молодое... – говорил ещё, выпуская из обметанного усами и бородой рта сигаретный дым...

...Тридцать лет прошло, не меньше. Сергей остановил машину прямо на дороге, в зарастающем мелколесьем поле... Нет деревни, ни одного дома... И никого, кто жил в тех домах... И только катится по небу вечный колобок...